

* * *

В сезон хурмы и повышенья цен,
Мовалиса, бессонниц и шалфея,
Где улицы меняются в лице
И трубы радиатора теплеют,
Откажешься от грусти ни о ком
Во имя сна и набежавшей лени,
Когда бетон прикроется снежком
И дворники вздохнут от умиленья.
И не было, пожалуй, никогда
Таких времён, где долгие недели
Стрижей к себе магнитила вода
И пчёлы от нектара тяжелели.
Где пах ромашкой липкий баббл-гам
И майский жук выдeldывал коленца,
Где мы плелись по разным берегам
С дырой внутри и пластырем на сердце.

* * *

Я училась терять печаль в лабиринтах ЦУМа,
В полосе дождей не жалела ни Бланш, ни Бэлу.
Я пила с вурдалаками, с узником Кхазад-Дума.
Прожигала жизнь с пионером в рубахе белой.
Хороня вино в пакетиках tetrapak'a,
Среди прочих истин одну сохраняю от века:
Если хочешь большой любви – заведи собаку.
Пожелаешь разлук – найди себе человека.

* * *

К осени город прост и очеловечен.
На остановке тополь роняет сны.
Что, если счастье – просто фигура речи?
Мальчик, забытый мячиком до весны?

В переулках зима,
возвратившись с окраины страха,
Сыплет мелкую дрожь
через неба бескровный порез.
Это вовсе не снег. Это новая музыка Баха.
Это Моцарт в миноре опять заиграл до-диез.

И не слышно уже, как выходит сосед из запоя.
Как машины гудят,
а мальвины сбивают гранит.
Ни волхвов. Ни ментов.
Только тьма на дощатом заборе.
География комнат.
Вселенная.
Острый бронхит.

* * *

Что до любви –
она постоянный голод:
Пьёшь анальгин ли,
сонной выходишь в город,
Локти сбиваешь на переходах узких,
Врёшь на иврите
или молчишь на русском.
Свет мой, с твоим закатом
не стало хуже,
Но отпустивший –
дважды обезоружен.
Если душа примёрзла к душе подобной,
Память водой не смоешь водопроводной.
Кашель взрывной волной накрывает утро.
Даже в стихах становится неуютно.
Словно, дойдя до места, где мы согрелись,
Жизнь замирает и запускает реверс.

* * *

объёмная тушь удлиняет мои ресницы
парикмахер делает меня седой
вытянутой
и немного яйцообразной
визажист прибавляет возраст
фотограф фиксирует мои недостатки
и я всё больше становлюсь похожей на маму
с которой никогда не жила
и чьего лица боюсь до сих пор
массажист говорит
что ноги стройнеют
с каждой проведённой мне процедурой
но зеркало в Zara ухмыляется
как двадцатилетняя фотограф
на просьбу о ретуши носогубок

эти стихи
никогда не написал бы Чарльз Буковски
потому что он мужик
и прекрасен
в своей алкогольной запущенности

или Эмили Дикинсон
потому что она была выше этого

эти стихи пишет Сара Зельцер
потому что её все достали.